

Евдокия Ростопчина

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА
(1811 —1858)

Евдокия Ростопчина

**СЧАСТЛИВАЯ
ЖЕНЩИНА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Р74

Серия «Изящный век»

Оформление обложки — *Екатерина Ферез*

Дизайн макета — *Ирина Гришина*

Ростопчина, Евдокия Петровна.

Р74 Счастливая женщина / Евдокия Ростопчина. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Изящный век).

ISBN 978-5-17-096787-2

Среди книг, которые уже давно приобрели безоговорочный статус бесценных любовных фолиантов, роман графини Евдокии Ростопчиной «Счастливая женщина», написанный в 1853 году, по праву признан шедевром любовной прозы. Эта история любви накалом безумных страстей и изяществом стиля оставляет читателей в состоянии легкого транса и считается лучшей книгой в копилке мировой романтической литературы. Каждый пишет собственную историю любви — так было в XIX веке, так происходит и сейчас...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-096787-2

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА

(1811—1858)

Евдокия Петровна Ростопчина — русская писательница, графиня, одна из самых известных русских поэтесс второй четверти XIX века. Современники считали ее умницей и красавицей, отмечали живость характера и доброту, общительность. Ей посвящали свои стихи Лермонтов и Тютчев, Мей и Огарев. В конце тридцатых годов девятнадцатого века ее имя ставили даже рядом с именем Пушкина.

Она родилась 23 декабря 1811 года в Москве, на Чистых Прудах, в приходе Успения Богородицы, что на Покровке, в доме деда с материнской стороны Ивана Александровича Пашкова.

Ее отец Петр Васильевич Сушков (впоследствии действительный статский советник), находился в то время на службе в Москве и был чиновником VIII класса и комиссариатским комиссионером. Он женился на Дарье Ивановне

Пашковой, дочери отставного подполковника, и Евдокия Петровна была их первым ребенком.

В 1812 году, по случаю приближения французов к Москве, семейство Пашковых и с ними Дарья Ивановна Сушкова с новорожденной дочерью отправились в Симбирскую губернию, в принадлежащую деду И. А. Пашкову деревню Талызино, где прожили до отступления Наполеона из Москвы, после чего возвратились в Белокаменную, куда еще ранее прибыл, по должности своей, Петр Васильевич Сушков, на которого, как значится в его формулярном списке, возложено было в 1812 и 1813 годах «заготовление вещей для резервной армии», что он и исполнил в разоренной Москве, «не возвышая цен ни на какие вещи, несмотря на сожженные в Москве фабрики и заводы».

В январе 1816 года Дарья Ивановна родила сына Сергея, в марте 1817 года — Дмитрия и, ровно через два месяца, 13 мая того же года скончалась от чахотки, имея всего лишь 27 лет от роду. Вскоре П. В. Сушков, по просьбе своего тестя, отправился на принадлежащие тому Белорецкие железные заводы в Оренбургской губернии, где пробыл довольно долго, а оттуда переехал на жительство в Петербург, куда он был переведен на службу. Трое сирот остались в Москве, в доме деда, где жили на собствен-

ный счет, пользуясь только даровой квартирой и столом. В этом доме Евдокия Петровна пробыла вплоть до своего замужества, а ее братья только до 1826 года, когда их отец, будучи назначен начальником Оренбургского таможенного округа, увез мальчиков с собою в Оренбург.

Дмитрий Петрович Сушков, брат Ростопчиной, так писал о своей сестре в биографической справке князю П. А. Вяземскому: «...Между тем воспитание Евдокии Петровны шло своим чередом: одна гувернантка сменялась другою и несколько учителей приходили давать ей уроки; но, говоря правду, воспитание это, хотя и стоило немало денег отцу нашему, было довольно безалаберное, так как, в сущности, никто не наблюдал за его правильностию. По счастью, ребенок был одарен от природы живым, острым умом, хорошею памятью и пылким воображением, с помощью которых Евдокия Петровна легко научилась всему тому, что составляло тогда, да и теперь составляет еще, альфу и омегу домашнего воспитания наших великосветских барышень.

Из учителей ее по разным предметам стоит упомянуть о Гаврилове и Раиче, развивших в ней врожденную любовь к поэзии вообще и к отечественной в особенности. Не будь их,

русская словесность считала бы, может быть, в среде своей одним дарованием меньше, так как в доме Пашковых никто литературою не занимался и даже подобное занятие со стороны молодой девушки сочтено было бы за неприличный поступок.

Здесь будет уместно перечислить главнейших гувернанток и учителей Евдокии Петровны, насколько я их помню.

Одною из первых ее гувернанток была г-жа Морино, французская эмигрантка из хорошей фамилии, бывшая до революции в интимных отношениях с графом Прованским, впоследствии королем Людовиком XVIII. Само собою разумеется, что, за исключением природного своего языка и современной ей французской литературы, сведения ее по всем другим предметам были чрезвычайно ограничены, так что, в сущности, она ничему другому обучать не могла.

Непосредственно за нею следовала Н. Г. Боголюбова, бывшая смолянка. Это была девица умная, добрая, благовоспитанная и действительно много знающая, от которой воспитанница ее позаимствовала много хорошего и могла бы позаимствовать еще более, но, к сожалению, она почему-то вскоре перешла на другое место.

Преемницей ее была г-жа Пудре, толстая, глупая, грубая и ровно ничего не знающая

швейцарка, которой, по-настоящему, следовало бы занимать не должность гувернантки, а разве полемойки. Эта подлая женщина обращалась со своей воспитанницей чрезвычайно грубо и даже тиранила ее. Притом же она была и нравственности весьма двусмысленной и, в присутствии Евдокии Петровны и нас, братьев ее, мальчиков семи-восьми лет, обращалась весьма вольно, чтобы не сказать более, с гувернером нашим, г-ном Фроссаром, своим соотечественником, таким же грубым и таким же невеждою, как она сама, а также и с нашим общим учителем рисования, французом Газом. Впоследствии Пудре содержала в Москве девичий пансион.

За Пудре последовала — и это была последняя гувернантка Евдокии Петровны — г-жа Дювернуа, офранцуженная полячка, женщина добрая, но не имевшая никаких познаний, вследствие чего она и не обучала ничему и была в сущности не гувернанткою, а чем-то в роде компаньонки для прогулки и выездов запросто к родным и более близким знакомым».

К счастью, Евдокию Петровну не испортило это бездушное воспитание: в ребенке жила чуткая и нежная душа. Хорошая память, любознательность и влечение к литературе, поддер-

живавшееся в окружавшей ее среде, которая увлекалась литературными интересами, в связи с поэтическим настроением девушки и врожденной каждой талантливой натуре страстью к творчеству сделали ее писательницей уже в раннем возрасте.

Ростопчина рано пристрастилась к чтению и быстро овладела несколькими иностранными языками, в том числе французским, немецким, английским и итальянским. Скрываясь от родных, с двенадцати лет она стала писать стихи. А читать их давала своим знакомым: студенту Московского университета поэту и революционеру Николаю Огареву и ученику Благородного пансиона Михаилу Лермонтову.

Увлечение поэзией не удалось долго сохранять в тайне: первая публикация ее стихов — в альманахе «Северные цветы на 1831 год» за подписью «Д...а» — произошла, когда девушке не исполнилось и восемнадцати лет.

Евдокия Петровна была очень хороша собою; когда она стала выезжать в свет, ее свежая девическая красота и окружавший ее юную головку ореол зарождавшейся поэтической славы доставили ей ряд головокружительных триумфов. Ее сразу заметили — и несколько лет веселой светской жизни пронесли пред ней быстрым, волшебным видением.

Евдокия Петровна в 22 года, чтобы избавиться от домашнего гнета, вышла замуж за молодого и богатого графа Андрея Федоровича Ростопчина, сына московского градоначальника. Свадьба состоялась в мае 1833 года, и молодые зажили весело и открыто в своем доме на Лубянке, принимая всю Москву.

Муж писательницы оказался человеком очень недалеким, его интересы ограничивались кутежами, картами и лошадьми, и Евдокия, чувствуя себя очень несчастливой в семье, полностью отдалась светской жизни, стала искать развлечений в свете, посещая и устраивая балы. Ростопчина была предметом многих сплетен и злословия. Ее постоянно окружала толпа пылких поклонников, к которым она относилась далеко не жестоко. По словам современников, Ростопчина «была небольшого роста, изящно сложена, имела неправильные, но выразительные и красивые черты лица. Большие, темные и крайне близорукие её глаза “горели огнём”. Речь Евдокии Петровны, страстная и увлекательная, лилась быстро и плавно». Будучи человеком необычайной доброты, она много помогала бедным.

Осенью 1836 года Ростопчина с мужем приехала в Петербург и поселилась в доме на Дворцовой набережной. Ростопчины были приняты

в высшем столичном обществе и литературных салонах города — у Одоевского, Жуковского, в семье Карамзиных. Начитанная, остроумная, интересная собеседница, Евдокия сразу же завела литературный салон и у себя в доме, где стал собираться весь цвет петербургских литераторов. Частыми гостями ее были Гоголь, Пушкин, Жуковский, Соллогуб, Вяземский, Плетнев, Григорович, Дружинин, Мятлев и многие-многие другие. Одоевский и Лермонтов вели с ней активную личную переписку, тот же Владимир Федорович Одоевский посвятил ей свою «Космораму». Еще до замужества Ростопчина познакомилась с Пушкиным. С ним она встретилась в 1829 или 1830 году на бале у московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и произвела на него прекрасное впечатление. Он очень благосклонно отзывался о ее творчестве.

В салоне Евдокии Ростопчиной читались новые произведения, обсуждались литературные события, устраивались музыкальные вечера с участием Виардо, Глинки, Листа, Тамбурины, Рубини. Рассеянная светская жизнь, прерываемая частыми и продолжительными путешествиями по России и за границу, не мешала графине с увлечением предаваться литературным занятиям.

К этому времени относится и начало романа Ростопчиной с Андреем Николаевичем Карамзиным, одним из сыновей историка Н. М. Карамзина, гусарским полковником. А. Н. Карамзин был женат на баронессе Еве Авроре Шарлотте Шернваль — светской львице из шведского рода, фрейлине и статс-даме русского императорского двора, крупной благотворительнице. В 1853 году Андрей Карамзин отправился добровольцем на балканский театр военных действий Крымской войны и вскоре погиб в бою во время крайне непрофессионально проведённой кавалерийской атаки, которую сам же организовал и возглавил. В 1854 году, узнав о его гибели, Евдокия Петровна писала: «...цель, для которой писалось, мечталось, думалось и жилось, — эта цель больше не существует; некому теперь разгадывать мои стихи и мою прозу...» Но все это будет позже, а пока она не только одна из самых модных дам Петербурга, но и признанная всеми поэтесса.

Однако Ростопчина чувствует, что жизнь ее, при внешнем блеске, «лишена первого счастья — домашней теплоты», а сердце «вовсе не создано к той жизни, какую принуждена вести теперь», — и оттого любит повторять стих пушкинской Татьяны: «...отдать бы рада всю эту ветошь маскарада...» Стремление разглядеть за

холодными, светскими полумасками истинную сущность человека объединяет Растопчину с Лермонтовым, который в 1841 году записал в ее альбоме: «Я верю: под одной звездой // Мы с вами были рождены, // Мы шли дорогою одною, // Нас обманули те же сны».

В декабре 1849 года Растопчины переезжают на постоянное жительство в Москву. Зажили они роскошно, богато, хоть и не особенно открыто. Граф по-прежнему увлекался цыганами, тройками, балетом, посещал Английский клуб, графиня жила отдельно от него и на своей половине проводила время по-своему, принимала гостей, изредка выезжала. Писала она теперь уже не мелкие лирические пьесы, а вещи более крупные, а также произведения в прозе, такие как ее самый известный роман о пронзительной, обжигающей смертельной любви «Счастливая женщина». Писала она и небольшие пьесы для театра; последние были легкими, милыми пустячками, приготовленными обыкновенно для чьего-нибудь бенефиса.

От брака с Андреем Фёдоровичем Растопчиным у Евдокии Петровны было две дочери и сын. Первая дочь Ольга была замужем за дипломатом и итальянским посланником в Румынии графом Иосифом Торниелли-Брузатти-ди-Вергано. Вторая дочь Лидия — писательница,

жила на скромную пенсию, получаемую от императора, последние годы провела в Париже. Сын Виктор — полковник, был женат на Марии Григорьевне фон Рейтлингер, имел двух сыновей — Бориса и Виктора.

Утверждают, что от внебрачной связи с Андреем Карамзиным Евдокия Ростопчина имела еще двух дочерей. Они носили фамилию Андреевские и воспитывались в Швейцарии. Кроме того, у Ростопчиной был внебрачный сын Ипполит от Петра Павловича Альбединского, генерал-адъютанта, не обладавшего ни высшим военным образованием, ни особыми военными достоинствами. Альбединский своей военной карьерой был обязан главным образом красивой внешности и большим связям при дворе.

Последние два года жизни графиня Евдокия Ростопчина часто и сильно болела. В последний раз она взялась за перо в конце августа 1858 года, чтобы написать для Александра Дюма, бывшего тогда в России, свои краткие воспоминания о Лермонтове. Письмо ее Дюма получил на Кавказе, в декабре, когда Ростопчиной уже не было в живых: третьего декабря (пятнадцатого по старому стилю) 1858 года она скончалась в Москве, где и погребена на Пятницком кладбище в усыпальнице Ростопчиных.